

Объ особенностяхъ архіерейскаго служенія литургіи съ точки зрѣнія древне-церковнаго обряда.¹⁾

Съ неодинаковымъ, конечно, чувствомъ вышелъ каждый изъ насъ сегодня изъ академическаго храма, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что торжественно совершенное въ немъ архіерейское служеніе на всѣхъ оставило, какъ всегда и вездѣ на Руси оставляетъ оно, совсѣмъ особенное, необычное впечатлѣніе. Правда, духовному взору молящихся и въ немъ представляется то же высокое зрѣлище земной жизни и вечери Христовой, что и въ скромной службѣ одного священника съ діакономъ, но наше зрѣніе и слухъ получаютъ за нимъ настолько полное удовлетвореніе, что при недостаточно-сосредоточенномъ вниманіи къ молитвамъ кажется, будто присутствуешь за какою-то особою службой. Все въ ней отъ посошника—мальчика съ необычнымъ ковриккомъ въ рукѣ до „крѣпчайшаго“ гласа протодіакона замѣтно дѣйствуетъ на всѣхъ. Нарядное убранство и обильное освѣщеніе храма, часто величественнаго своимъ видомъ и размѣрами, иногда очень древняго и потому полного дорогихъ для каждаго историческихъ воспоминаній, празднично настроенное и соборною молитвою объединенное всесловное множество присутствующихъ, одѣтый въ дорогія одежды сонмъ по обычаю сановныхъ священнослужителей съ епископомъ—нерѣдко глубокимъ старцемъ во главѣ и, наконецъ, самая служба, всегда у насъ благолѣпная, не-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1 октября 1899 года.

спѣшная и „сладкопѣсенная“, въ состояніи, мнѣ представляется, повліять и на не очень впечатлительныя, даже холодныя души. Но едва ли не больше всего значать при этомъ одинаково внимательно наблюдаемыя всѣми литургическія особенности съ церемоніальными принадлежностями архіерейскаго священнослуженія. Высоко ставя іерарха надъ сослужащими и всѣмъ вообще церковнымъ собраніемъ, однихъ и особенно людей простыхъ, на долю которыхъ такъ рѣдко выпадаетъ у насъ случай молиться за эту службой, онѣ поражаютъ своею новизною, виѣшнимъ блескомъ, стройными, но порой совсѣмъ непонятными для нихъ звуками; другихъ увлекаютъ своимъ торжественнымъ, нерѣдко глубоко одушевленнымъ исполненіемъ; для третьихъ—онѣ предметъ благоговѣйнаго созерцанія и, пожалуй, благочестиваго размышленія, а человѣка, интересующагося прошлымъ христіанскаго богослуженія, эти обрядовыя подробности занимаютъ еще особою, непримѣтною для другихъ, но очень важною для него стороною. При видѣ ихъ онъ невольно переносится мыслію во времена давно минувшія и какъ-бы представляетъ себя свидѣтелемъ иныхъ несравненно болѣе простыхъ и едва ли не болѣе назидательныхъ церковно-богослужебныхъ порядковъ. Въ отличительныхъ особенностяхъ и цѣломъ стрѣ современной архіерейской службы подъ роскошною, вѣсками созданною обрядовою оправой, онъ усматриваетъ не особый какой-либо видъ литургіи и даже не особенное ея изложеніе въ родѣ характерной редакціи, а узнаетъ древній обще-литургійный обрядъ, въ однихъ частяхъ своихъ замѣчательно сохранившійся отъ самой глубокой, перво-христіанской эпохи, въ другихъ нѣсколько дополненный, осложненный или даже и совсѣмъ исчезнувшій изъ обыденной церковной практики и потому еще болѣе цѣнный въ научномъ отношеніи по своему историческому содержанію. Познакомить съ нимъ достопочтенное собраніе, съ этою полузабытою и далеко не для всѣхъ понятною *археологическою* стороною обрядовыхъ особенностей архіерейскаго служенія, освободивъ ихъ на время отъ нѣкоторыхъ придатковъ церемоніальнаго характера, и составляетъ мою настоящую задачу.

Архіерейское служеніе обыкновенно предваряется у насъ встрѣчей іерарха, лишь въ немногихъ городахъ, смотря по

времени года, соединяемою съ провозженіемъ его изъ келліи въ кафедральный храмъ. Архіерейскіи домъ, отдѣленный теперь отъ послѣдняго иногда довольно значительнымъ пространствомъ, даже разстояніемъ цѣлаго города, встарину на Руси такъ-же, какъ въ прочихъ земляхъ славянскихъ и самой Греціи, нерѣдко былъ прямо соединенъ съ нимъ, еще чаще находился близъ него, на церковномъ дворѣ, подобно келліи игумена или жилищу приходскаго священника. Открыть въ такомъ случаѣ епископу свою службу церемониальнымъ шествіемъ къ ней было вполнѣ естественно. Впрочемъ характеръ и порядокъ этого шествія, какъ и слѣдовавшей за нимъ встрѣчи, опредѣлявшіеся величиной праздника, мѣстными условіями и личной волей предстоятеля, были далеко не одинаковы даже въ одной и той же церкви за разные періоды ея исторіи. Торжественны выходы и встрѣчи нашихъ теперешнихъ владыкъ, но еще съ большею торжественностію происходили они на Руси въ XVI—XVII столл., когда вмѣстѣ съ нарядными пѣвчими и многочисленными духовными властями, нарочито по особому звону „на соборъ“ со всего города съѣзжавшимися, въ провозженіи архіерея, не торопко шедшаго изъ своей крестовой въ храмъ и читавшаго при этомъ особыя молитвы и псалмы, число и содержаніе которыхъ видимо отвѣчало разстоянію и разнымъ стадіямъ пути, участвовали архіерейскія дѣти боярскіе, дьяки и подъячіе, а иногда и государевы бояре, воеводы и приказные въ своихъ дорогихъ разноцвѣтныхъ одеждахъ; когда архіерей, предшествуемый лампадой и двумя большими „ослопными“ свѣщами, встрѣченный въ паперти протопопомъ съ соборянами и діаконами съ кадильницами, по обычномъ входѣ въ храмъ и цѣлованіи [съ извѣстными тропарями всѣхъ мѣстныхъ и праздничныхъ иконъ, чудотворцевыхъ мощей и царскихъ вратъ, со всѣмъ сонмомъ священнослужащихъ входивъ въ самый олтарь и здѣсь именно, а не при западныхъ дверяхъ, какъ это дѣлается теперь, взявъ крестъ со св. престола, благословлялъ себя и всѣхъ остальныхъ, а затѣмъ, подошедъ къ жертвеннику и приложившись къ дискосу и потиру, творилъ взаимное прощеніе съ тѣми, кто долженъ былъ съ нимъ служить.

Проще встрѣчаетъ и всегда встрѣчалъ къ службѣ право-

славный востокъ своихъ деспотисовъ, какъ не знаетъ онъ и нашей поздней обѣдни, совершая литургію на восходѣ солнца, вслѣдъ за великимъ славословіемъ, и только въ видѣ исключеній или въ случаѣ литаній, спустя немного послѣ утрени. Не всегда въ Византіи и земляхъ южно-славянскихъ за началомъ послѣдней молился вмѣстѣ съ прочими въ храмѣ владыка, вычитывавшій утрению съ положеннымъ правиломъ чаще на дому въ своей келліи. Извѣщенный ударомъ въ колоколь или кѣмъ-нибудь изъ церковныхъ или своихъ архіерейскихъ чиновъ о начатіи канона, онъ приходилъ, съ кѣмъ случалось, къ концу его въ церковный притворъ, гдѣ встрѣчалъ его служащій священникъ съ діакономъ и клиромъ. Облачившись здѣсь въ мантию и перемѣнивъ путническій посохъ на пастырскій жезлъ, архіерей, при пѣніи девятой или другой пѣсни канона, вступалъ на *средину* храма, нерѣдко встарину, какъ часто и теперь на востокъ, обозначавшуюся на полу въ цѣляхъ художественныхъ и литургическихъ тою или другою геометрическою фигурой, а иногда въ церквахъ соборныхъ или наиболѣе богатыхъ—мозаическимъ изображеніемъ орла, путемъ царскаго пожалованія или въ своемъ родѣ преемственнаго наслѣдства перешедшаго въ числѣ прочихъ инсигній отъ императоровъ къ восточнымъ іерархамъ. Осѣнивъ рукою себя и благословивъ народъ и клиръ, обычно привѣтствовавшій своего владыку по-гречески или славянски краткимъ пожеланіемъ ему многихъ лѣтъ (*εις πολλά ἔτη δόξοις*, на многія лѣта, владыко—у болгаръ и сербовъ), архіерей становился на свое святительское мѣсто или тронъ, обычно находившійся въ правомъ крылѣ храма, возлѣ подкупольнаго столба или одной изъ колоннъ, поддерживавшихъ хоры, или даже у самой церковной стѣны. Въ дни великихъ праздниковъ и чѣмъ-либо замѣчательныхъ памятей шествіе восточнаго іерарха къ службѣ начиналось такъ-же, какъ и у насъ, изъ его келлій, куда среди утрени болѣе или менѣе церемоніально приходили почетные граждане и старшее духовенство для провожденія своего владыки, который при выходѣ изъ дома съ лѣстницы или возвышеннаго рундука ея преподавалъ благословеніе толпою встрѣчавшему его на дворѣ народу, входившему съ нимъ въ храмъ, наполнявшійся къ тому времени столь обычныхъ въ житейскомъ быту во-

стока благовонныхъ куреній. Далеко не всегда и не передъ всѣми архіереями предносима была при этомъ возженная лампада, которая въ первые вѣка церкви, думаемъ, освѣщала среди ночи и мрака подземелій путь епископамъ, отъправлявшимся служить, а потомъ сдѣлалась исключительно символомъ духовнаго путеводительства ими другихъ. Но то, что не было всегдашнею составною частію входнаго восточныхъ владыкъ, или вызывалось настоятельною нуждою, что обуславливалось послѣдованіемъ утрени, извѣстнымъ убранствомъ храма и его помоста, простотою нравовъ и естественными богатствами востока, получивъ современемъ таинственный смыслъ, стало непремѣнною принадлежностію нашихъ праздничныхъ архіерейскихъ встрѣчъ, такъ называемыхъ ихъ шествій „со славою“. Лампада и дикиро-трикири, кадильницы и орелъ составляютъ теперь не для всѣхъ привычную обстановку вполнѣ естественнаго въ древности входа, которая въ связи съ выносомъ на блюдѣ креста предъ западныя врата храма, чтеніемъ протодіакономъ, а не самимъ архіереемъ, обычныхъ входныхъ священническихъ молитвъ, иноязычнымъ многолѣтствованіемъ и архипастьрскимъ осѣненіемъ народа съ самаго же начала замѣтно отличаетъ архіерейскую службу отъ соборной пресвитерской.

Архіерей не входитъ затѣмъ въ олтарь одновременно съ прочими служащими, но, ставъ среди церкви, „всенароднозрительно всѣми священными одѣянными украшается, по своему чину, на степенѣхъ, со кажденіемъ ѳиміама и приглашеніемъ стиховъ, подстлану подъ ногами его коври и на немже каедрѣ стоящей со возглавіемъ“. Въ старое время онъ вступалъ, какъ мы сказали, съ остальною процессіей въ олтарь, гдѣ потомъ и облачался на горнемъ мѣстѣ, или около престола вмѣстѣ со властями, если нужно ему было поспѣшить въ предварявшій тогда нерѣдко литургію крестный ходъ, или же возвращался, за отсутствіемъ послѣдняго, на средину храма для болѣе торжественнаго здѣсь облаченія, имѣвшаго мѣсто по большимъ праздникамъ не на Руси только, но и далеко за ея предѣлами. Облаченіе священнослужащихъ въ олтарѣ, въ частности іерарховъ на востокѣ и въ земляхъ славянскихъ, обыкновенно во время хвалитныхъ стихиръ, съ положеніемъ по мѣстамъ даже облачальныхъ одеждъ на св. престолѣ вмѣсто столика, сдѣлалось

теперь повсюднымъ, обычнымъ явленіемъ, какъ привыкли всѣ и особенно сами служители олтаря къ безпрепятственному вхожденію въ него и хожденію въ немъ безъ ризъ. Существующія однакоже требованіе проходить черезъ святныя двери въ облаченіи и строгое запрещеніе входить въ олтарь мірянамъ, за исключеніемъ царя, говорятъ объ иныхъ древне-церковныхъ порядкахъ, наступившихъ съ того времени, какъ олтарь, не недоступный въ первые три вѣка даже для женщинъ-причастницъ, былъ предоставленъ потомъ одному священнослужителю, да и онъ могъ входить въ него только въ назначенное время и не иначе, какъ облачившись. Современный Чиновникъ, предписывающій архіерею облачаться внѣ олтаря и вступать въ него уже облаченнымъ, имѣетъ на своей сторонѣ нѣкоторое преимущество по сравненію съ теперешнимъ служебникомъ священническимъ. Въ болѣе древнюю эпоху церкви, какъ вѣроятно и въ первыя времена христіанства на Руси, служащіе одѣвались обычно не въ олтарь съ краю престола, но внѣ его: въ жертвенникѣ или діаконикѣ, не имѣвшихъ съ олтаремъ сначала прямого внутренняго, посредствомъ арокъ сообщенія, въ той или другой части храма или даже особой къ нему пристройкѣ, — это вопросъ въ данномъ случаѣ безразличный. Въ IX — XIII столл. патріархи Іерусалимскій и Константинопольскій, напримѣръ, облачались со всѣмъ своимъ клиромъ къ литургии въ великую субботу, предъ пасхальной утреней и по другимъ великимъ праздникамъ въ особыхъ залахъ своихъ покоевъ, выходившихъ на хоры храмовъ Воскресенія и св. Софійи, съ которыхъ они, при своемъ появленіи, обычно посылали благословеніе многолѣтствовавшимъ имъ снизу пѣвцамъ и народу, слушали службу, въ полномъ одѣяніи и болѣе или менѣе торжественной процессіи спускались къ ней чрезъ церковный притворъ. Но въ XIV — XV вѣкахъ послѣдній изъ нихъ, по окончаніи канона, творилъ уже обычное начало, преподавалъ благословеніе сослужащимъ и облачался съ одѣвавшими его старѣйшими діаконами на правой сторонѣ храма, въ углубленіи или позади своей кафедры, откуда шелъ потомъ, въ предшествіи діаконѣвъ, къ западнымъ, въ то время называвшимся „красными“ или „царскими“, вратамъ, вправо отъ которыхъ у стѣны ставилось для него сѣдалище, на которомъ онъ слушалъ начало

литургіи и ожидалъ пришествія царя. Какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ въ своемъ каѳедральномъ соборѣ и до сего времени продолжаютъ облачаться среди обширной каѳедры по большимъ праздникамъ Солунскіе владыки, избравъ какъ бы средину между древнимъ менѣ примѣтнымъ и теперешнимъ „всенародно-зрительнымъ“ архіерейскимъ облаченіемъ. Отнявъ отъ послѣдняго нѣкоторую церемоніальность, еще лучше, перенесши его на сторону храма или въ особое отдѣленіе его, замѣнивъ теперешнія, часто очень дорогія и разноцвѣтныя одежды наиболѣе простыми „отъ бѣлыя или червленныя волны“ одѣянїями, можно будетъ представить себѣ древнюю постановку епископскаго облаченія.

Окончивъ его, архіерей, при возглашеніи діакономъ словъ: *Тако да просвѣтитя свѣтъ твой предъ чловѣки...*, трикиріемъ и дикиріемъ осѣняетъ народъ, а лики поютъ при этомъ: *Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν Κύριε φέλαττε εἰς πολλὰ ἔτη.* Въ основѣ этого торжественнаго и часто повторяющагося за архіерейскою литургіей обряда лежитъ въ сущности простой, предоставленный каждому священнику обычай благословлять и посылать народу привѣтствіе во время службы. И епископъ въ древности, являлся-ли впервые предъ церковнымъ собраніемъ, вступалъ-ли въ олтарь и на свой горній престолъ, поучалъ-ли народъ послѣ евангелія, или принималъ дары на великомъ входѣ съ молитвою о приносящихъ, преподавалъ-ли евхаристію или раздавалъ вмѣсто нея антидоръ, отпускалъ-ли вѣрующихъ стъ службы или самъ выходилъ послѣ нея, всякій разъ съ словами мира, любви иль благословенія обращался къ присутствовавшимъ въ храмѣ, а они поклономъ иль молитвеннымъ пожеланіемъ многихъ лѣтъ отвѣчали на привѣтъ своего владыки. Какъ показываютъ памятники и до сего времени существующая кой-гдѣ на востокѣ практика, епископъ долгое время не осѣнялъ при этомъ народа свѣчами, а благословлялъ просто рукою, рѣже двумя, какъ поступаютъ теперь всѣ священнослужащіе и дѣлаетъ онъ самъ въ нѣкоторыхъ подобныхъ же случаяхъ. Нужда ли помощію горящихъ свѣщей сдѣлать видимымъ въ храмѣ для всѣхъ архіерейское благословеніе, желаніе ли яснѣе, нагляднѣе представить посредствомъ дикирія и трикирія основныя истины христіанства, выражавшіяся ранѣе сложеніемъ перстовъ благословляющей руки,

молитва ли іерарха со свѣщей въ послѣдней предъ началомъ службы, или что другое вызвало къ жизни обрядъ осѣненія, положительно не знаемъ; но только благословеніе одною, тремя или двумя — въ первое время безразлично—возженными свѣщами постепенно вошло въ богослужебную практику и, благодаря Самимъ Спасителемъ данной символикѣ свѣта, столь согласовавшагося съ характеромъ архіерейской службы и праздничнымъ временемъ ея совершенія, нашло въ ней широкое примѣненіе. Но ставши видною ритуальною принадлежностію архіерейскаго священнослуженія, осѣненіе дикиріемъ и трикиріемъ не сдѣлалось служебнымъ однихъ архіереевъ преимуществомъ. Встарину у насъ игумены многихъ монастырей, а не нѣкоторыхъ только, какъ въ настоящее время, служили съ одною или двумя осѣняющими свѣщами. Да и теперь священникъ служить на Пасхѣ съ трикиріемъ и крестомъ въ одной рукѣ и кадиломъ въ другой—такъ именно, какъ начиналась въ соборныхъ церквахъ, по свидѣтельству Симеона Солунскаго, каждая воскресная утренняя. Даже діаконы прежде и византійскіе императоры въ свое время, какъ лица помазанья и полупосвященья, осѣняли народъ дикиріемъ или трикиріемъ—первые, когда на преждеосвященной литургіи, взявъ священниковъ, обращались къ нему со словами: *Святъ Христозъ просвѣщаетъ всѣхъ*, вторые — когда съ амвона и вообще публично предлагали своимъ подданнымъ то или другое наставленіе.

Осѣнивъ народъ дикиріемъ и трикиріемъ, архіерей, сидя или стоя, слушаетъ часы, отправляемые на сторонѣ его священникомъ, и начало литургіи вмѣстѣ съ сослужащими, все время до малаго входа оставаясь среди церкви. Съ точки зрѣнія древняго обряда это не особенность, а обычный порядокъ. Не говоря уже о часахъ, которые, бывъ вначалѣ вмѣстѣ съ полунощицею и повечеріемъ дѣломъ личной набожности, справлялись каждымъ на дому, въ церковномъ притворѣ, другой какой-либо части храма, но никакъ не въ олтарѣ; даже такія важныя службы, какъ праздничныя вечера и утренняя, начинались вѣдъ послѣдняго, предъ закрытыми церковными дверьми, какъ начинается въ паперти и до сихъ поръ наша пасхальная утренняя. Воспоминаніе о начальномъ мѣстѣ совершенія въ древности названныхъ службъ сохранилось и въ позднѣйшихъ уставахъ, образовавшихся

при новыхъ, измѣнившихся условіяхъ церковнаго строя, хотя бы, на примѣръ, въ томъ замѣчаніи ихъ, что священникъ начинаетъ вечерню съ своего мѣста на клиросѣ, а не въ олтарѣ, или, подойдя къ дверямъ его для произнесенія гѣхъ или другихъ молитвъ и ектеній, надѣваетъ висящую тутъ-же епитрахиль и затѣмъ вервѣю снаружи изъ церкви открываетъ ихъ. Литургія, однородная въ своей первой половинѣ по своему составу и назначенію съ прочими службами, не составляла исключенія изъ нихъ въ данномъ отношеніи. Входеніе священника съ діакономъ въ олтарь предъ началомъ ея не есть обычай изначальный; въ древней церкви первая часть ея, рассчитанная, подобно вечерни и утрени, на присутствіе за нею вмѣстѣ съ вѣрными неполноправныхъ членовъ христіанской общины, до малаго входа или, лучше сказать, до времени удаленія послѣднихъ изъ храма, совершалась не возлѣ престола, а внѣ олтаря, среди церкви, вслухъ всѣхъ присутствовавшихъ, сидя слушавшихъ на ней ветхозавѣтныя писанія, пѣніе псалмовъ Давидовыхъ и чтеніе Апостола, какъ садятся и теперь на послѣднемъ всѣ священнослужители и одинъ только епископъ во время антифоновъ. Входъ священника въ олтарь соединялся тогда съ открытіемъ олтарной завѣсы и святыхъ дверей, вслѣдствіе чего рѣшительно вся внутренность святилища дѣлалась доступною взору народа. Но въ періодъ полнаго развитія катехумената и ученія о неоглашаемости таинъ вѣры и культа предъ непосвященными (*disciplina arcanae*) разные классы оглашенныхъ были лишены права видѣть престолъ—Святое Святыхъ христіанскаго храма. Даже послѣ того, какъ совсѣмъ ослабѣлъ институтъ оглашенныхъ и совершенно измѣнилась *disciplina arcanae*, въ позднѣйшей Византіи, на примѣръ, по большимъ праздникамъ, когда литургія предшествовала литіи, вся первая часть ея, какъ не заключающая въ себѣ ничего специально-евхаристическаго, сливалась, какъ бы сказать, съ послѣднею; отправлялась иногда не только внѣ олтаря, но и внѣ храма. Малый входъ, начинавшій въ такихъ случаяхъ собою литургію, не только былъ первымъ входомъ священнослужителейъ въ олтарь, но и первымъ появленіемъ предъ церковнымъ собраніемъ Константинопольскаго патріарха, не всегда участвовавшего въ крестномъ ходѣ, но обыкновенно одновременно съ нимъ во-

дившаго въ храмъ и олтарь. Слѣды этого стараго порядка можно примѣчать даже и въ теперешней *обстановкѣ* малаго входа, бывшаго въ древности, надобно замѣтить, ничѣмъ инымъ, какъ выносомъ евангелія на средину церкви, когда наступало время его проповѣдывать, но не отъ престола, какъ это дѣлается теперь, а изъ особаго, не составлявшаго тогда одного цѣлаго съ олтаремъ боковаго отдѣленія. Вся она съ содержаніемъ молитвъ и стиховъ, предваряющихъ и сопровождающихъ разсматриваемый обрядъ, обращена на самое дѣйствіе входа, а не на предносимое въ немъ евангеліе, какъ бы слѣдовало ожидать въ виду сказаннаго. Предъ вступленіемъ въ олтарь священникъ молить Бога, чтобы Онъ *сотворилъ со входомъ его входу святыхъ ангеловъ быти*. Діаконъ говоритъ: *Благослови, владыко, святой входъ*, и владыка отвѣчаетъ: *Благословенъ входъ святыхъ твоихъ...* Но что за побужденіе было у составителя этой молитвы и стиховъ сосредоточивать всю суть ихъ содержанія на входъ, если бы этотъ входъ не былъ первымъ въ олтарь и если бы съ нимъ не соединялось особеннаго значенія для священносовершителя, приступающаго ко св. престолу? Молитва Трисвятаго, непосредственно слѣдующая за входомъ въ олтарь, представляетъ священника уже стоящимъ лицомъ къ лицу къ послѣднему и благодарящимъ Бога за то, что *сподобилъ его стать въ сей часъ предъ славою святаго Всезо жертовника*, предъ которымъ, очевидно, является впервые. Понятнымъ становится послѣ этого каноническое запрещеніе „входить и сидѣть въ олтарѣ присвитерамъ прежде входа епископа“ во время священнодѣйствія. Сопоставивъ съ этими данными особенность архіерейскаго Чиновника, назначающаго епископу оставаться среди церкви до малаго входа и только съ нимъ вступать въ олтарь, нельзя будетъ не видѣть въ ней счастливо уцѣлѣвшаго остатка отъ первохристіанской литургіи безотносительно къ тому, совершалась-ли она священникомъ или епископомъ.

Сохранивъ въ движеніи архіерея древнюю и простую форму входа, архіерейская служба представляетъ рядомъ съ нею и другую тоже древнюю, но нѣсколько богаче прежняго обставленную въ выходъ священнослужащихъ съ евангеліемъ. Съ большою церемоніальностію впрочемъ и съ неменьшимъ числомъ, чѣмъ у насъ теперь, священныхъ утварей про-

исходилъ малый входъ въ Византію по великимъ праздни-камъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда открывалъ его съ своими знаменами, оруженосцами и свитой самъ импера-торъ въ короткой багряной фелони и съ возженною свѣчей въ рукѣ; но это не было тамъ всегдашнимъ, тѣмъ болѣе повсюднымъ порядкомъ входа. Обычно въ древнее время на востокъ священникъ—старшій ли то или младшій, совершавшій проскомидію и начинавшій литургію, одинъ съ діакономъ, въ преднесеніи двухъ лампадъ и кадила, приходи-ли съ евангеліемъ и крестомъ къ западнымъ вратамъ храма, предъ которыми уже ожидалъ послѣднее съ духо-венствомъ епископъ или патріархъ, одновременно встрѣчав-шій почти здѣсь-же и царя, цѣловавшаго и вмѣстѣ съ нимъ сопровождавшаго евангеліе и крестъ къ престолу. Привѣт-ствуемый клиромъ такъ-же, какъ царь своимъ синклитомъ, при демественномъ пѣніи *Придите, поклонимся* или празд-ничной стихиры пѣвцами, народомъ или же самими служа-щими, какъ это велось встарину на большихъ соборныхъ служ-бахъ въ Византіи и у насъ на Руси, съ осѣняльною свѣщей, еще чаще безъ нея, приложившись впервые къ св. дверямъ или иконамъ на столпцахъ ихъ, архіереи вступалъ въ олтарь, по обычаю кадилъ его и, послѣ трехкратнаго поклона и мо-литвы предъ престоломъ съ дикиріемъ въ рукѣ, встрѣчалъ императора. Въ то время, какъ этотъ молился и приносилъ даръ свой къ олтарю, domestikъ или діакопъ съ амвона возглашалъ: *Господи, спаси царя* или *царей* и затѣмъ отъ лица народа, просившаго также Бога устами кого-либо изъ среды своей *услышать и его*, многолѣтствовалъ государю, служащему архіерею и всѣмъ, кому приказывалъ послѣдній, вѣроятно и тогда, какъ и теперь по маломъ входѣ, запеча-тлѣвавшій каждое изъ благожеланій (теперешнихъ похвалъ) осѣненіемъ своихъ рукъ. По выходѣ царя и молитвѣ Три-святаго, архіерей бралъ трикирій и, при пѣніи послѣдняго пѣвцами или сослужащими, творилъ трижды крестъ передъ св. престоломъ, еще чаще надъ возлежавшимъ на немъ св. евангеліемъ, каждый разъ молясь въ себѣ: *Господи, Господи, призри съ небесе, и виждь, и посьти виноградъ свой...*, осѣнялъ иногда свѣщей на западъ съ не-гласнымъ повтореніемъ тѣхъ-же словъ и отходилъ къ горнему мѣсту, съ котораго всегда рукою или трикиріемъ благословлялъ народъ. Молитва, чи-

тавшаяся сначала тихо въ олтарѣ, давно перешла на средину храма и здѣсь въ связи съ осѣненіемъ предстоящихъ *дикириемъ и крестомъ*, замѣнившимся, быть можетъ, существовавшее у насъ нѣкогда „двѣма свѣщами и двѣма перстона знаменаніе святителемъ людей“¹⁾, составила одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по содержанію и благодарныхъ по исполненію и широкому примѣненію церковныхъ обрядовъ. Но трудно съ увѣренностью сказать, чѣмъ обусловленъ былъ этотъ переходъ: чтеніемъ-ли на амвонѣ евангелія, къ проповѣди котораго молитва имѣла прямое отношеніе; устройствомъ-ли взаимнѣ низенькой древне-христіанской или сквозной византійской олтарной преграды высокаго сплошнаго иконостаса, скрывающаго олтарь съ происходившимъ въ немъ отъ глазъ присутствующихъ, или вѣрнѣе всего обще-историческимъ движеніемъ литургійнаго обряда, по силѣ котораго омофоръ, напимѣръ, возлагавшійся встарину на время чтенія евангелія, подобно воздуху, на рамо перводіакона, теперь распростертый на рукахъ другого, церемоніально обносится предъ благовѣстителемъ кругомъ аналогія; или начальные возгласы евхаристійнаго канона: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа...*, *Горѣ имѣемъ сердца* и *Благодаримъ Господа*, говорившіеся въ древнее время, какъ и до сихъ поръ на востокѣ, архіереемъ съ своего мѣста отъ престола, произносятся у насъ съ соли или амвона и сопровождаются не простымъ благословеніемъ народа рукою, а трехкратнымъ осѣненіемъ его *дикириемъ* и *трикириемъ*

Архіерей умываетъ руки на великомъ входѣ предъ царскими дверьми. Въ старое время на Руси, если не совершалось по великомъ входѣ хиротонія священника, онъ умывалъ ихъ въ олтарѣ вмѣстѣ со всѣми сослужащими, какъ и до сихъ поръ поступаютъ іерархи на востокѣ и въ земляхъ славянскихъ и какъ то дѣлаетъ у насъ подлѣ жертвенника каждый священникъ съ діакономъ передъ проскомидіей. Очень долгое время на востокѣ и всѣ вѣрующіе изъ особаго бассейна или просто чаши съ водою омывали себѣ руки и лицо при входѣ въ храмъ, чтобы чистыми ру-

¹⁾ Описаніе славянск. рукопш. Московск. Синод. библ. прот. А. В. Горского и К. И. Невоструева, отд. III, ч. 1 стр. 96 — 97, № 366 лл. 39 и 51 об.

ками и, предполагается, съ таковымъ же сердцемъ приносить жертву Богу, совершать молитву и принимать Таинство. Для священнослужащаго съ этимъ символическимъ значеніемъ омовенія всегда соединялся еще смыслъ литургическій: омывши руки, діаконь въ первые вѣка церкви, священникъ вмѣстѣ съ нимъ въ послѣдующіе приступали, какъ приступаютъ они и теперь къ приготовленію даровъ, необходимыхъ для таинства, и изытію частицъ изъ просфоръ, а епископъ и прежде довершалъ и теперь оканчиваетъ начинаемое ими предъ литургіей проскомисаніе, поминая у жертвенника, тайно отъ народа, предъ отпускомъ великаго входа изъ олтаря, живыхъ и умершихъ, которыхъ самъ онъ, священнослужаще или кто-либо изъ мірянъ и иноковъ пожелали-бы помянуть. Встарину епископъ совершалъ это иногда на маломъ входѣ, по первомъ вступленіи своемъ въ олтарь, и тогда онъ не исходилъ уже къ жертвеннику для преподаянія сосудовъ съ дарами сослужащимъ предъ великимъ входомъ, но съ своего мѣста предъ престоломъ рукою иль крестомъ благословлялъ ихъ.

Торжественно совершается у насъ теперь за архіерейскою службой перенесеніе св. даровъ съ жертвенника на престоль, но еще большею торжественностію отличалось оно встарину, особенно въ византійскомъ мірѣ, когда шествіе съ ними изъ предложенія направлялось вдоль всей сѣверной стѣны, достигало западныхъ вратъ храма, останавливалось иногда посрединѣ его и уже затѣмъ вступало на солею; когда во главѣ его, впереди многочисленнаго служащаго духовенства, шли нерѣдко тѣ или другія лица и почти всегда съ зажженными свѣчами, на примѣръ: посвящаемые въ іерархическія степени и разныя званія, новокрещенные возрастные и младенцы на рукахъ своихъ матерей тотчасъ по крещеніи, византійскіе императоры въ дни своихъ коронацій и великихъ праздниковъ, дѣти съ разноцвѣтными ваіями въ вербное воскресенье на востокъ, даже кіевскіе студенты XVII вѣка по храмовымъ праздникамъ своего монастыря; когда св. дары съ скиптрами и мечами, рипидами и дарохранительницами, драгоцѣнными блюдами и чашами, ковчегами съ мощами святыхъ и разнаго рода плащаницами съ ихъ изображеніемъ, среди глубокой тишины, прерываемой развѣ уставными возгласами служащихъ да мо-

литвенными восклицаніями больныхъ, лежавшихъ на полу, медленно проносились къ олтарю, въ дверяхъ котораго съ тайною или гласною молитвою были встрѣчаемы іерархомъ. Но не эта высокаторжественная обстановка входа сама по себѣ важна для насъ въ данномъ случаѣ, а присутствіе въ ней такихъ подробностей, какъ участіе мірянъ, ношеніе „ради украшенія“ дискосовъ и чашъ, вызывавшееся очевидно когда-то настоятельною нуждой, наконецъ встрѣча архіереемъ даровъ предъ престоломъ,—которыя невольно отсылаютъ изслѣдователя къ первымъ вѣкамъ христіанства и здѣсь заставляютъ искать первоосновы обряда, занявшаго видное мѣсто между начальными актами литургіи вѣрныхъ.

Не съ пустыми руками древніе христіане приходили къ литургіи, но со всѣмъ необходимымъ для ея совершенія. Ихъ приношенія, состоявшія обычно изъ хлѣба и вина, ладана и воска, до выдѣленія изъ нихъ веществъ, нужныхъ для таинства, складывались на особомъ столѣ или въ особомъ отдѣленіи, а имена приносителей, какъ и тѣхъ, за кого дары были принесены, вносились діаконами въ церковные помянники. Изображенія ангеловъ, записывающихъ въ свитки имена входящихъ при дверяхъ нашихъ храмовъ, мнѣ представляются нѣмыми свидѣтелями этого древне-церковнаго обычая приношеній, теперь уже во многомъ уклонившихся отъ своего первоначальнаго смысла и назначенія. Послѣ разбора и надлежащаго приготовленія эти дары покровенные иль открытые, по необходимости защищаемые рипидами отъ мошекъ, избранные вѣрующіе или діаконы, потомъ вмѣстѣ съ іереями, предъ началомъ евхаристіи въ первые вѣка, по выходѣ оглашенныхъ въ послѣдующіе, вначалѣ молча, позднѣе съ пѣніемъ переносили къ олтарю, гдѣ бралъ ихъ предстоятель — священникъ то или епископъ — и, поставляя на престоль, поминалъ иногда вслухъ принесшихъ и прежде всѣхъ, разумѣется, епископовъ и царей, стоявшихъ первыми въ помянникахъ. Принимая св. дары предъ царскими дверьми съ извѣстными возглашеніями, наши владыки такимъ образомъ остаются вѣрными этому древне-христіанскому порядку, какъ ему же несомнѣнно слѣдовали архимандриты и игумены очень многихъ древне-русскихъ монастырей, не выходящіе также сами съ дарами на великомъ входѣ.

Въ концѣ архіерейскаго служенія особенно выдается воз-

гласъ протодіакона, въ которомъ поминается архіерей, *приносящій св. дары Господеву Богу нашему* о спасеніи государя и царствующаго дома, всей палаты и воинства ихъ. Но онъ есть не что иное, какъ извлеченіе изъ молитвы за умершихъ и живыхъ членовъ церкви, читаемой тайно епископомъ, какъ и всякимъ священникомъ, по освященіи даровъ, и въ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ и славянскихъ служебникахъ совершенно въ такихъ же выраженіяхъ говорится въ ней и о совершавшемъ литургію благоговѣйномъ іереѣ или іеромонахѣ. Простирая рѣшительно на весь міръ спасительное дѣйствіе жертвы Христовой, предъ которою какъ-бы уравнивались святые и не-святые, древняя церковь каждый разъ, какъ совершала ее, молилась о всѣхъ безъ исключенія, начиная съ ветхозавѣтныхъ праотцевъ и кончая приносившими дары къ алтарю, и эта *вселенская* молитва ея, составляющая неотъемлемую принадлежность всѣхъ древнихъ литургій, съ слѣдовавшими за нею помянниками съ именами умершихъ и живыхъ произносилась тогда вслухъ, какъ произносятся протодіакономъ за архіерейскою службою и до сихъ поръ велегласно заключительныя слова ея: *и всѣхъ и вся*.

Архіерей самъ причащаетъ священниковъ, предоставляя архимандриту или вообще первому послѣ себя служащему преподавать тѣло Христово и честную кровь Его діаконамъ. Въ древнее время, при соборномъ служеніи нѣсколькихъ священниковъ, имѣло мѣсто то же самое явленіе, то есть, право приобщать младшихъ усвоилось всегда старшему, первенствовавшему въ службѣ священнику, какъ меньшему іерею вмѣнено было въ обязанность преподавать чашу крови діаконамъ.

Разсматривая вообще съ точки зрѣнія древне-церковнаго обряда особенности архіерейскаго служенія, изучая ихъ при свѣтѣ обще-литургическихъ данныхъ, невольно приходишь къ тому заключенію, что порядокъ совершенія его не составляетъ какого-нибудь особеннаго вида литургіи, что архіерейская служба есть та же священническая литургія, только нѣсколько осложненная и дополненная. Нѣкоторыя изъ обрядовыхъ подробностей ея обязаны были своимъ происхожденіемъ средневѣковой Византіи и вышли изъ условій того показнаго церемоніала, которымъ обставлены были торжест-

веннѣйшіе выходы къ службѣ и участіе въ ней византийскихъ царей. Это обстоятельство сообщило ей особенный отпечатокъ и придало церемоніальный характеръ такимъ частямъ ея, которыя по своей основѣ ничего подобнаго не имѣютъ и ведутъ свое начало отъ первохристіанской эпохи. Большая часть особенностей архіерейской службы сводится въ сущности къ простымъ, одинаковымъ сначала у епископа съ пресвитеромъ обрядамъ древнѣйшей литургіи. Внѣшняя сторона ея, достигшая наиболѣе полнаго выраженія въ служеніи архіерейскомъ, развилась постепенно, по мѣрѣ того, какъ первоначально—простымъ литургическимъ дѣйствіямъ стали придавать возвышенное духовное значеніе, когда съ паденіемъ непосредственнаго чувства вѣры явилась надобность окружить евхаристійный канонъ широкою обрядовою обстановкой и ею поддержать энергію и живость религіознаго чувства. Вѣрующіе первыхъ вѣковъ, стоявшіе ближе насъ въ отношеніи таинствъ къ ихъ совершителямъ, участвовавшіе въ литургіи каждый разъ своими приношеніями и причащеніемъ, для которыхъ евхаристія составляла праздникъ, въ полномъ смыслѣ слова Пасху Новаго Завѣта, легко обходились домашними средствами при ея отпращиваніи, молились въ бѣдныхъ калибахъ и темныхъ пещерахъ безъ обильнаго свѣта, безъ золота, безъ музыки—тою теплѣйшею и чистѣйшею христіанскою молитвою, которою и до сихъ поръ продолжаютъ молиться, примѣрно, Абиссинцы въ своихъ жалости достойныхъ храмахъ, среди убогой литургической обстановки, подъ раздирающій уши европейца крикъ родного пѣнія. Но тамъ иная полоса духовной географіи, и намъ далеко до неподражаемыхъ образцовъ первохристіанской молитвы. Для людей съ замѣтною склонностью избыть скучныхъ частей литургіи въ родѣ часовъ, возвышеніе духа которыхъ значительно соразмѣряется съ величіемъ храма и красотою его внутренняго убранства, у которыхъ весь праздникъ нерѣдко сводится въ душѣ къ свободѣ отъ обязательныхъ работъ и извѣстному уставному разрѣшенію, для такихъ людей торжественная служба съ нарядною обстановкой и стройнымъ пѣніемъ такъ-же нужна, какъ теплый воздухъ и свѣтъ, удобреніе и разнаго рода прививки необходимы вѣжнымъ тепличнымъ растеніямъ.

Чувствую, что утомилъ вниманіе достопочтеннаго собра-

нія, а можетъ быть, и охладить въ васъ теплое чувство, вынесенное изъ академическаго храма... Слово научной оцѣнки всегда будетъ стоять ниже тѣхъ живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній, которыя даетъ литургійная служба сама собою и съ которыми мы сроднились, благодаря вліянію нашего воспитанія, преданіямъ семьи и религіознымъ представленіямъ. И современная литургическая наука стремится лишь возвести наше благоговѣйное, но порой безотчетное уваженіе къ церковному обряду на степень историческаго его пониманія и сознательнаго къ нему отношенія.

А. Голубцовъ.